

После истории с троллем внимание студентов быстро переключилось на грядущие матчи по квиддичу. Это позволило Гарри и Драко наконец-то вздохнуть с облегчением, избавившись от навязчивого преследования и восторженных взглядов. Впрочем, была и ложка дегтя: «маленькие королевы» Гермиона и Панси вовсе не разделяли мальчишеской страсти к полетам. Девочки затащили их к Чёрному озеру и устроили им настоящий разнос. Глядя в их покрасневшие, полные слез глаза, ни один из них не посмел выказать ни капли недовольства. Им оставалось лишь смиренно посыпать голову пеплом, извиняться и клятвенно обещать впредь не ввязываться в столь опасные авантюры. Пока Гарри неумело пытался утешить Гермиону, а Драко сулил Панси горы подарков, Блейз и Невилл со злорадным удовольствием наблюдали со стороны за их редким замешательством. Глядя издали на эту идиллическую картину, Хагрид довольно напевал себе под нос какой-то незатейливый мотив.

Альбус Дамблдор, стоя у окна своего кабинета на восьмом этаже, смотрел на детей, и в его памяти невольно всплыло то короткое лето. Когда-то он и Геллерт были так же неразлучны, их юношеские амбиции рычали в груди диким зверем, заставляя рваться вперед, навстречу великим свершениям. Но лето пролетело мгновенно, и на смену солнечному свету пришла бесконечная ночь. Тепло исчезло, оставив лишь горечь одиночества в двух разных концах мира. Кем стал Тёмный Лорд, заставивший трепетать всю Европу? Кем стал величайший белый маг современности? Лишь двумя дряхлыми стариками, доживающими свой век на остатках воспоминаний и крохах призрачной надежды. Вспомнив Тома — столь же одаренного и амбициозного юношу, Дамблдор подумал о том, как тот в самом расцвете сил бросил всё ради безумной попытки обмануть смерть. Но какой смысл жить вечно? Смерть забирает близких одного за другим, юность и мечты уходят безвозвратно, и ему остается лишь смотреть, как ряды друзей редеют, пока он не останется в полном одиночестве. В часы холода и бессилия его окружают лишь бездушные вещи, от которых становится еще холоднее.

Прослезившись, Дамблдор печально отвел взгляд. Он посмотрел на портрет Геллерта, и в груди шевельнулось внезапное желание увидеть его. Пусть даже мельком, стоя в тених за порогом его темницы.

Когда фигура Дамблдора исчезла в проеме окна, Гарри поднял голову. Он не видел выражения лица старого директора, но знал наверняка: сейчас того гложет глубокая тоска по Геллерту Гриндевальду. Вспомнив, как в прошлой жизни первый Тёмный Лорд погиб прямо в могиле Дамблдора, он невольно вздохнул. В последние годы своего затворничества в директорском кабинете он часто размышлял о Гриндевальде, который держал в страхе полмира, а закончил дни в добровольном заточении в Нурменгарде. Он думал о его жизни, связи с Альбусом и смерти. И в конце концов пришел к выводу, что именно Геллерт был настоящим, великим Тёмным Лордом. Несмотря на то что он косвенно стал причиной гибели тысяч магов и маглов во Второй мировой войне, Гриндевальд, если отбросить методы, руководствовался великой целью изменить мир магии и неуклонно следовал своим идеалам. Том Марволо Реддл же на его фоне казался лишь жалким выскочкой, одержимым желанием растоптать всех вокруг и сбежать от смерти. Он считал, что называть Тома вторым Тёмным Лордом — значит наносить оскорбление Гриндевальду. Реддл просто не заслуживал такого титула.

Истинная победа не должна была оставить старого директора и Гриндевальда в стороне. У них всё еще оставалось право на счастье — и возможность обрести его. Глядя на залитый бледным зимним солнцем кабинет директора, Гарри начал обдумывать план: как заставить двух стариков разрушить стену многолетнего отчуждения и вместе провести остаток лет.

Поскольку Гарри не спешил демонстрировать свои выдающиеся таланты в полетах, в этот раз он не попал в факультетскую сборную досрочно. Пока вся гостиная Слизерина гудела, обсуждая квиддич, Гарри сидел в спальне, вспоминая свой самый первый полет. Тогда он впервые ощутил вкус истинной свободы, словно все оковы мира разом пали. Небо было таким высоким и бескрайним; стоило лишь направить метлу вверх, и можно было достичь любой точки. Ветер обдувал лицо, солнце согревало кожу, и эту радость можно было принимать без страха и обязательств. Пожалуй, всё, о чем он мечтал втайне, — это такая простая радость: быть свободным и не обремененным долгом. А счастье для него теперь заключалось в том, чтобы рядом был кто-то, с кем можно летать вместе, а устав — упасть на траву и смеяться, глядя, как к вам бегут ликующие друзья.

Драко тоже не вошел в команду и даже не участвовал в жарких спорах о тактике игры вместе с Блейзом. Войдя в спальню и увидев Гарри, Малфой на мгновение замер, словно вновь увидел то сказочное создание из магазина мадам Малкин. Лампы под потолком не горели, горел лишь ночник за спиной Гарри. Тот сидел на кровати, обняв подушку, и неяркий свет окутывал его фигуру призрачным ореолом, заставляя непослушные черные вихры сиять. На лице Гарри, скрытом в полутени, играла едва заметная, но искренняя улыбка, а его взгляд светился ярче ламп. В этом свете была чистая, неподдельная радость — такая же, как в день их первой встречи.

Завороженный этим зрелищем, Драко боялся шелохнуться. Он боялся, что если издаст хоть звук, этот Гарри — простой и счастливый — исчезнет. Он и сам не помнил, когда в последний раз видел его таким. Наверное, это закончилось на четвертом или пятом курсе. Если в начале их знакомства Гарри, способный на искреннюю радость и праведный гнев, казался ангелом, то во время войны он превратился в суровое знамя, воздвигнутое на троне. А после войны тот выглядел так, словно из него выжгли всю юность и страсть, оставив лишь беспросветную, холодную пустоту. Драко часто казалось, что тогдашний Гарри был глубоким стариком, готовым в любой момент встретить смерть.

Очнувшись от своих мыслей, Гарри заметил стоящего в дверях Драко. Тот замер, вытянувшись в струнку; он смотрел с подозрительным блеском в глазах и слегка улыбался. Гарри на миг показалось, что перед ним снова тот самоуверенный мальчишка из магазина мантий, который нараспев читал нотации и заносчиво ворчал, скрывая за высокомерием жажду внимания. Вечно он говорит одно, а думает другое, вечно заставляет гадать, доводя до изнеможения, и вечно его невозможно отпустить.

Они молча смотрели друг на друга. Словно разделенные тысячами миль, стоя на разных берегах. Ты не видишь моего сердца, я не могу разгадать твои мысли. А может, нас разделяла лишь тонкая черта, и ты медлил, не зная, сделать ли шаг вперед или отступить, а я гадал: если пойду навстречу, получу ли я объятия или холодный отказ. Говорят, самое далекое расстояние в мире — это когда я стою перед тобой, а ты не знаешь, что я тебя люблю. Но когда мы стоим друг напротив друга, ты не знаешь о моей любви, а я не знаю, что ты считаешь мои чувства несбыточной мечтой. Так далеко мы друг от друга или всё-таки близко?

О той призрачной, похожей на сон минуте откровения в спальне Гарри и Драко предпочли не вспоминать. Они общались как обычно, оставаясь неразлучными. Никто не знал о том странном моменте, лишь окружающие начали смутно ощущать, что между ними что-то изменилось — а может, это было лишь иллюзией.

Квиддич начался именно в такой обстановке: Гарри и Драко делали вид, что ничего не произошло, а остальные делали вид, что ничего не заметили. Сидя в первых рядах трибуны Слизерина, они наблюдали за противостоянием змей и львов. Без Гарри — ловца от бога — Гриффиндор выглядел бледно. Слизеринцы же, пользуясь преимуществом в росте и силе, играли жестко и напористо, напрочь забыв об изяществе. Дамблдор на матч так и не пришел. Квиррелл сидел рядом с Северусом, а по другую сторону от него устроилась профессор Макгонагалл. Зажатый между двумя деканами, он выглядел вялым и время от времени нервно дергал головой.

Блейз молча наблюдал за сидящими впереди друзьями. Впервые в жизни игра его не интересовала. Тонкую, едва уловимую атмосферу между ними Блейз чувствовал кожей, но не решался облечь свои наблюдения в слова. Еще в поезде, увидев спящего на плече у Драко Гарри, он понял, что их связь — нечто запредельно сложное. Их близость была слишком естественной, будто закаленной десятилетиями и выжженной на самой душе. Это не дружба, не братство, но и не просто влюбленность. Будучи сыном женщины столь же любвеобильной, сколь и пронизательной, Блейз с детства умел распознавать взгляд, полный любви. Но Гарри и Драко ставили его в тупик. Пожалуй, стоило найти момент и поговорить с Малфоем наедине.

Пока Блейз предавался раздумьям, а Гарри с Драко начинали раздражаться под его пристальным взглядом, на поле что-то пошло не так. Квоффл и бладжеры внезапно вышли из-под контроля, внося хаос в ряды игроков. Один из гриффиндорцев, самый щуплый на вид, едва не слетел с метлы. Слизеринцы, чудом удерживаясь в седле, во весь голос требовали у мадам Трюк остановить игру.

Гарри с нескрываемым скепсисом наблюдал за кутерьмой. Его поразило, что уровень интеллекта «безмозглого Тома» оказался примерно на одном уровне с домовиком Добби — оба решили использовать проклятые мячи для атаки. Впрочем, ирония не мешала ему действовать: Гарри мгновенно извлек палочку, готовясь к любому повороту событий. Драко отреагировал синхронно. Прошипев сквозь зубы пару ласковых в адрес слабоумия Волдеморта, он наложил на себя и Гарри серию усиленных «Протего». Заметив их странное поведение, Блейз тоже подобрался и на всякий случай схватил за руку Панси. Не надеясь, что Драко расщедрится на защиту для них двоих, Блейз лишь закатил глаза. В чем бы ни заключались их отношения, было ясно одно: в сердце Малфоя Гарри занимал самое важное место.

— Блейз, уводи слизеринцев. Скоро здесь станет жарко, берегите себя.

Сказав это, Драко схватил Гарри за руку, и они вместе спрыгнули прямо с трибуны. Панси вскрикнула от ужаса и бросилась к перилам. Увидев, что оба благополучно приземлились с помощью Заклятия Легкости, она разразилась яростной бранью, обзывая Драко идиотом. Уводя Панси прочь, Блейз в очередной раз поймал себя на мысли, что совершенно не понимает своего друга. Такие безрассудные выходки были скорее в духе Гриффиндора.

Уворачиваясь от обезумевших мячей, Гарри и Драко вновь — вслед за историей с троллем — оказались в центре внимания всей школы. Гарри лавировал между атаками, на лету выкрикивая «Импедимента», в то время как Драко, не сводя глаз с траектории друга, вовремя прикрывал его щитами или отбивал летящие в него снаряды. Когда один атаковал, второй защищал — эта боевая слаженность была выкована в годы войны. Им не нужны были слова:

взгляд, жест — и каждый знал, что делать. Благодаря их командной работе квоффл уже превратился в щепки, но бладжеры, маленькие и стремительные, продолжали терзать их, не давая выйти из крутого пике.

Многие старшекурсники уже выхватили палочки, желая помочь, но мячи двигались слишком быстро. Боясь задеть ребят, студенты лишь в бессилии наблюдали за схваткой. Гермиона поняла, что мячи прокляты, но не знала контрзаклинания. Заметив, что Квиррелл и Северус едва заметно шепчут, она, повинувшись внезапному озарению, бросилась под преподавательскую трибуну и выпустила облако густого дыма. Кто бы из них ни читал заклятие, в дыму контроль над мячами неизбежно ослабнет. Невилл же, наложив на себя чары скорости, со всех ног припустил к замку за Дамблдором. Блейз и Панси у кромки поля звали на помощь слизеринскую команду, и вскоре к ним присоединились близнецы Уизли. Знаменитые «живые бладжеры» Гриффиндора выжали из своих метел максимум, отвлекая на себя обезумевшие снаряды, а слизеринские загонщики действовали с ними в унисон. Бладжеры словно метались в припадке: то яростно преследовали Гарри, то на мгновение замирали, будто возвращаясь в норму.

Северус в ярости сорвался с трибуны. Дымовая завеса Грейнджер, хоть и ослепила Квиррелла, изрядно мешала и ему самому накладывать контрзаклятия. Впрочем, когда туман немного рассеялся, Снейп невольно признал правоту Гарри относительно этой девчонки. Пусть сейчас ей было всего одиннадцать, она уже демонстрировала поразительную остроту ума и быстроту реакции. Благодаря дыму, не дававшему Квирреллу сосредоточиться, Гарри и Драко сумели уничтожить квоффл, а загонщики получили шанс вмешаться. Однако Гарри и Драко всё еще были в телах детей, и колоссальный расход магии и сил не мог пройти бесследно.

Когда Гарри уже был на грани истощения и всерьез подумывал о том, чтобы ударить во всю мощь, выдав себя, вмешались Северус и Дамблдор, поочередно сбив оба бладжера. Запыхавшийся Невилл, увидев, что Гарри в безопасности, без сил рухнул на землю. Гермиона выбежала из своего укрытия и бросилась к ребятам, рыдая на ходу. Блейз подошел к Невиллу и, хлопнув его по плечу, показал большой палец. Панси, размазывая слезы, догнала Гермиону у лежащих на траве Гарри и Драко. Обе девочки плакали навзрыд, волосы их растрепались, напоминая дикие заросли, но они всё равно пытались улыбаться. Профессор Стебль приказала всем игрокам спуститься для осмотра, а профессор Флитвик принялся изучать обломки мячей. Профессор Макгонагалл едва сдерживала слезы, а Северус, глядя на измученные улыбки Гарри и Драко, почувствовал болезненный укол в сердце.

— Сначала тролль, теперь квиддич! Альбус, я и не знала, что в нашей школе так опасно! Гарри и Малфой даже не игроки, они были простыми зрителями! Посмотрите на них — раны не смертельны, но боль такая, что впору на стенку лезть! — Разгневанная мадам Помфри, закончив осмотр, принялась метаться между шкапами, на ходу отчитывая Дамблдора. Она выставила перед пострадавшими батарею флаконов с таким видом, будто не выпустит их из палаты, пока всё не будет выпито. — Удивительно, что после схватки с этими сумасшедшими мячами у вас еще остались силы улыбаться! Пейте. Ссадины заживут к утру, но синяки будут сходить долго. И чтобы ни шагу из палаты без моего разрешения!

— Учитывая вашу феноменальную «везучесть», я как декан Слизерина официально заявляю: с этого момента вы держитесь от квиддича подальше. Никаких метел, кроме уроков полетов, и ни шагу на это проклятое поле! Если я узнаю, что вы нарушили запрет, клянусь — до конца

жизни вы не коснетесь даже прутика от метлы! Думаю, ради вашей безопасности и Сириус, и Люциус полностью поддержат моё решение.

Ярость мастера зелий граничила с откровенной угрозой, но возражать никто не решился. Окружавшие кровати друзья и учителя молчаливо согласились: профессор прав.

— Так, все вон отсюда! Им нужен отдых. Завтра принесете им книг, а сейчас — на выход!

По команде мадам Помфри Дамблдор первым направился к дверям, дети послушно потянулись следом. Северус всучил мадам Помфри еще несколько зелий, наградил «детей» тяжелым взглядом и стремительно вышел.

Когда в палате остались лишь больные, несколько пострадавших игроков, до этого хранивших молчание, отодвинули занавески и сочувственно посмотрели на Гарри и Драко. Малфой заметил, что и гриффиндорцы, и слизеринцы глядят на них с одинаковым выражением лиц. «Проклятая жалость», — пронеслось в голове. Гарри слабо оскалился, показывая, что еще жив. Драко приподнялся и, бесцеремонно схватив Гарри за руку, убрал её под одеяло.

— Лежи смирно, — пригрозил он. — Или я попрошу у декана его особое восстанавливающее зелье. Гарантирую, вкус ты не забудешь до конца своих дней.

Гарри затих. Стоило ему закрыть глаза, как навалилась нечеловеческая усталость. Зелья начали действовать, погружая его в сон. Драко взмахнул палочкой, задергивая полог на кровати Гарри, и сам откинулся на подушки, криво усмехнувшись. Вспомнив, как сиганул с трибуны вместе с Поттером, он заподозрил, что после выписки из Больничного крыла их ждет еще одна головомойка — коллективная. Мерлиновы панталоны!

Первыми визитерами стали близнецы Уизли. Они принесли соболезнования от всей команды Гриффиндора и в красках расписали, как первокурсницы лили слезы, переживая за их судьбу. Под их шутки другие раненые в палате покатывались со смеху, а Гарри залился краской и в конце концов с головой спрятался под одеяло. Позже пришли Гермиона и Панси с корзинами сладостей; Блейз и Невилл понуро тащились следом в роли вьючных мулов. Когда Гарри за спинами «королев» разглядел стопки книг в руках ребят, он демонстративно закатил глаза, за что тут же был призван к порядку Гермионой и Панси. Драко, пробежав глазами названия романов, помрачнел. Какой идиот додумался нести любовные романы в мужскую палату? К концу дня Гарри и Драко всерьез подумывали о побеге, но, вспомнив нрав мадам Помфри, предпочли не рисковать.

На следующий день пришел только Блейз. Всегда улыбчивый ловелас был непривычно серьезен — Гарри даже на миг заподозрил действие Обратного зелья. Блейз молча пододвинул стул и сел между кроватями, взглядом попросив Драко наложить чары тишины.

— Блейз, что случилось? Откуда такая торжественность? — Гарри пытался вспомнить, происходило ли нечто подобное в его прошлой жизни после матча, но память не давала ответа.

— Дело серьезное. Касается ваших жизней, — Блейз нахмурился, забыв об улыбке. — Вчера, после того как мы ушли отсюда, Гермиона, не говоря ни слова, потащила нас к Хагриду. Она буквально вцепилась в него, требуя признаться, что Дамблдор прячет в школе. Хагрид поначалу отпирался, но она расплакалась. Сказала, что из-за этой вещи Гарри постоянно в опасности, ведь Тёмный Лорд хочет убить Избранного, а заодно и украсть то, что лежит в замке. Панси и Невилл ее поддержали. Хагрид, который и впрямь за тебя переживает, Гарри, проговорился, что это связано с Николасом Фламельем и что все профессора защищают этот предмет. Больше он не вымолвил ни слова.

— И что дальше? — Драко без особого сочувствия подумал о бедолаге лесничем.

— Мы всё сопоставили. Все знают, что Фламель — последний из великих алхимиков и друг директора. Значит, в школе спрятано его творение. Учитывая тролля и вчерашний инцидент, вывод напрашивается сам собой: тот, кто вломился в Гринготтс, уже здесь. Он использовал тролля как отвлечение, чтобы украсть артефакт, но вы ему помешали. Не исключено, что тролль изначально был натравлен на вас. И теперь, в ярости от неудачи, этот человек решил на открытую атаку. А поскольку Гарри носит звание Спасителя, мы решили, что это Пожиратель смерти. Предмет же, за которым он охотится, должен быть невероятно ценным для Волдеморта. Мы знаем, что Тёмный Лорд не умер, а лишь исчез. Его тела так и не нашли. Логично предположить, что сейчас он — лишь бесплотный дух. А значит, Дамблдор прячет Философский камень — единственное, что может вернуть ему тело и даровать бессмертие.

Гарри почувствовал укол досады. То, на что в прошлый раз у него ушел целый год, Блейз и остальные раскусили за один вечер. Вспомнив, сколько времени они с Роном потратили на поиски имени Фламеля в книгах, Гарри стало почти стыдно.

— И еще кое-что, Гарри. Я не стал пугать Гермиону и остальных своими догадками. Хагрид сказал, что все профессора, включая Снейпа и Дамблдора, охраняют Камень. Подумай сам: ни один заурядный Пожиратель не справится с такой защитой. Даже если он его украдет, он не выберется из замка живым. Если Волдеморт лишился тела, он не сможет помочь своему слуге сбежать. Самый верный способ — это явиться самому. Взять Камень и тут же его использовать. Поэтому я считаю, что в школу проник сам Волдеморт.

Они уставились на Блейза с такой интенсивностью — один взглядом цвета стали, другой изумрудным — что тот невольно поежился. На миг он испугался, что его выводы до смерти напугали друзей.

— Блестящий анализ, мистер Забини. Примите моё искреннее восхищение, — Драко чуть приподнялся, отвесив церемонный поклон.

Гарри же улыбался, но его взгляд, казалось, видел Блейза насквозь — точно так же смотрел Дамблдор. Откинувшись на подушки, Гарри продолжал улыбаться, но внезапно гостиную накрыла волна колоссальной магической мощи. Блейз ощутил, как потяжелел воздух. Это не было жадой убийства, но по спине пробежал ледяной пот. Прошло всего несколько секунд, но Забини показалось, что минула вечность. Всё его тело, сама душа наполнились парализующим чувством беспомощности. Он не понимал, почему Гарри Поттер сделал это, но осознал: он

чертовски недооценивал этого тихого мальчика.

— Достаточно, Гарри. Хватит, — голос Драко привел Блейза в чувство.

Гарри убрал силу и прикрыл глаза. Когда он снова посмотрел на Блейза, в его взгляде была лишь мягкая доброжелательность.

— Прости, Блейз, но это было необходимо. Ты узнал о Камне и понял, кто за ним охотится. Ты друг Драко, и я верю в твою верность ему, но я должен был знать: готов ли ты нести бремя своего выбора? Я хочу, чтобы ты держался как можно дальше от того, что грядет. Что бы мы с Драко ни делали, оставайся в стороне. Как ты верно заметил, на мне клеймо Спасителя, и у меня нет выбора. Но если ты решишь встать рядом с ним — ты встанешь рядом со мной. И это может стоить тебе жизни. Я бы этого не хотел.

Придя в себя, Блейз не сразу нашел слова. Он смотрел в эти честные зеленые глаза, а затем в тревожный серо-голубой взгляд Драко. Впервые красноречие изменило ему. Как истинный слизеринец, он должен был искать выгоду и избегать риска. Но сейчас, глядя на друзей, он почувствовал странный прилив радости.

— Я слизеринец, Гарри. И я знаю: если делаешь выбор, нужно иметь смелость принять его последствия. Так что лучше подумайте, как вы будете убеждать Гермиону и Невилла. А насчет Панси не волнуйтесь — она тоже со Слизерина.

Глядя на уходящего Блейза, Гарри и Драко обменялись улыбками. Убеждать Гермиону и Невилла? То, что не удалось в прошлый раз, вряд ли удастся и сейчас. Но, пожалуй, в этот раз им и не придется пытаться в одиночку.

<http://bllate.org/book/17565/1703722>